

С. С. Глаголев

Брюссель и Париж для науки о религии профессор Сергей Сергеевич Глаголев

На Руси и не на одной Руси много говорят о брюссельских кружевах и парижских модах, но неохотно связывают названия этих городов с представлением о научных занятиях. Под парижской наукой охотно готовы понимать науку страсти нежной, но никак не применение эллиптических интегралов к решению уравнений пятой степени. «Немец обезьяну выдумал», «немецкая наука», «немецкая философия», «немецкая богословская наука», вот – слова, которые наше ухо во многих случаях ждет также законно, как в других случаях оно ждет слова «аминь». Но что касается до обезьяны, то ее, пожалуй, выдумали француз – Ламарк и англичанин – Дарвин, а немец Геккель только хотел создать культ дарвинизма, и это теперь ставит его в затруднительное положение, так как Геккель «патриот своего отечества».

Немецкая наука существует, как одна из благородных и плодотворных ветвей одной общечеловеческой науки, но было бы совершенно напрасно думать, что во всех отраслях знаний немцы всегда шли и идут впереди всех культурных народов. Так, в области защиты религии и в сфере истории религий Бельгия и Франция в последние десятилетия, насколько я могу судить, дали гораздо больше, чем наши ближайшие соседи и теперь злейшие враги – немцы. Этого, впрочем, у нас не замечали. Так, когда в начале XX столетия был открыт кодекс Гаммураби, возбудивший много споров о происхождении Моисеева законодательства, русский книжный рынок наводнился переводными с немецкого брошюрами о Гаммураби; и никто почти не заметил, что памятник открыт французской экспедицией, переведен и опубликован французом, помещен в Лувре, и лучшая копия его давно уже стоит в Британском музее.

Я не имею в виду унижать немецкие заслуги в науке. Было бы слишком странно, если бы я стал говорить, что открытие Рентгена сделано не Рентгеном или что Рентген – не немец. Нет; будем воздавать немцам должное, но настоящее положение вещей представляется мне благоприятным для того, чтобы обратить внимание людей, интересующихся наукой о религии на то, что сделано в этой области не нашими врагами немцами, а нашими теперешними союзниками –

бельгийцами и французами.

Я начну с Брюсселя.

В шестидесятых и семидесятых годах прошедшего столетия в естествознании стало заметно преобладать антихристианское направление. И прежде между натуралистами являлось много неверующих, однако было много и верующих, но с указанного времени, казалось, трудно было найти человека, соединявшего изучение наук естественных с искренним исповеданием христианской религии. Явились особые причины для этого. В естествознании возникла и затем получила широкое распространение гипотеза эволюции. Эта гипотеза, отрицая всякое вмешательство высшей силы, чрезвычайно просто и по-видимому правдоподобно объясняла развитие вселенной, образование органического мира, происхождение человека. Бытие Бога не только не требовалось этой гипотезой для объяснения существующего мира, напротив, как утверждали некоторые сторонники нового учения, предположение существования верховного Начала только затрудняло бы понимание действительности.

Новое учение быстро распространилось и сильно подчинило себе умы образованных обществ. Его сравнивали, да сравнивают еще и теперь с учением Ньютона о тяготении, утверждая, что оно не только должно иметь такое же научное значение, как теория тяготения, но что оно имеет и такую же степень достоверности. Натуралисты христиане должны были с глубокой грустью следить за могучим антирелигиозным потоком, разливавшимся по Европе и Америке. Их попытки выступать с критическими разборами нового учения и с полемическими трудами против него обыкновенно встречались высокомерными и презрительными насмешками, и их робкие и ставшие неуверенными голоса должны были смолкать, если они не желали подчиниться новым веяниям.

Но вот во время самого разгара увлечения новой доктриной у некоторых ученых, соединявших любовь к исследованию природы с любовью к Библии, возникла благая и плодотворная мысль, что борьба с новым учением станет гораздо успешнее, если против него действовать общими силами и если бороться с ним под тем знаменем, которому не могут отказать в уважении люди какой бы то ни было партии, под знаменем чистой науки. 1 марта 1875 г. 10 друзей натуралистов собрались в Брюсселе и составили проект нового ученого общества, девизом которого должны были стать слова: «*nulla unquam inter fidem et rationem vera dissensio esse potest*» – между верой и знанием никогда не может быть действительного разногласия. Целью общества поставлялось «создать нечто в роде плотины против разливавшегося материалистического

потока, против антирелигиозного фанатизма, в течение нескольких лет перед этим установившихся в высших и низших областях знания. Общество должно было стараться сгруппировать около своего девиза ученых христиан, людей религиозных, чтобы бороться против рационалистических и атеистических доктрин оружием истинной науки. В то же время общество славой имен своих членов и солидными заслугами их трудов в области чистой науки должно было показать, что можно быть вместе и верующим подчиненным сыном церкви и плодовитым и свободным исследователем природы».¹

Через 3 недели во втором собрании брюссельские инициаторы выработали основные правила устава, которые сообщили различным ученым. В состав общества выразили желание поступить новые члены, 17 июня был опубликован статут новообразующегося общества. Статут был составлен из 17 членов. В первом члене его помянут девиз, следующие члены определяли условия для поступления в общество, правила о собраниях и т. д. Одним из членов определялось, что в обществе будет 5 секций: 1) секция наук математических, 2) физических, 3) естественных, 4) медицинских, 5) экономических. В десятом члене было поставлено, что общество никогда не позволит, чтобы в нем производились нападения – хотя бы самые деликатные – на католическую религию или вообще на спиритуалистическую и религиозную философию. Последний семнадцатый член определял, что девиз и десятый член никогда не могут быть изменены.²

Открытие общества последовало 18 ноября того же года. В заседании при открытии отношением предварительного комитета было сообщено, что 453 лица выразили согласие поступить в число членов общества, 453 ученых, имена которых всегда будут связаны с историей развития естественных наук в семидесятых и восьмидесятых годах девятнадцатого столетия (Лаппаран, Миварт, Арслен)! Можно ли было ожидать такого успеха? Пусть кто-нибудь пролистает оглавление наших периодических журналов за указанные годы и почитает статьи, посвященные естественно-научным вопросам. Много ли писалось у нас не в духе дарвинизма и даже писалось ли что-нибудь? Периодические издания обязательно приглашали своих читателей усвоить плодотворные принципы дарвинизма и теорию благотворности борьбы за жизнь, объясняли, что для человека гораздо почтеннее считать в числе своих предков чадолюбивого павиана, чем верить, что его первый человеческий предок был сотворен из земной пыли. Это писалось в журналах и утверждалось на публичных чтениях самым догматическим тоном. Нечего

говорить, что все это было у нас отражением того, что писалось и читалось на западе. При чтении всего этого должно было испытывать такое же чувство, которое испытал некогда ветхозаветный пророк, видя крайнее развращение Израиля и предположив, что в Израиле не осталось ни одного верного Богу. Илия ошибся, Бог в тишине возвестил ему, что в Израиле осталось 7000 верных Господу. Также ошиблись и те, которые в семидесятых годах думали, что между натуралистами почти никто не остался верным Господу. На призыв десяти немедленно откликнулось 453 ученых, и затем число это постоянно и быстро возрастало.

В течение первых двух лет своего существования общество издавало ежегодные анналы, но затем с 1877 г. начало издавать периодический журнал, заглавие которого выписано нами, и который издавался до дней преступного нашествия кайзера Вильгельма на Бельгию.

Revue des Questions scientifiques выходило 4 раза в год 20 января, 20 апреля, 20 июля и 20 октября книжками, заключающими в себе – каждая по 350 страниц (число это изменяется лишь на несколько страниц). Журнал менял место своего издания. В последнее время он издавался в Лувене, но издателем неизменно было брюссельское общество. Статьи в журнале посвящаются тем наукам, секции по которым существуют у брюссельского общества. Впрочем, статей по чистой математике нет, на страницах *Revue* можно встретить только статьи о приложении математического анализа к химии, к естественным наукам, разбор математических учебников (в библиографическом отделе), исследование математических теорий в физике и механике, но не статьи по чисто математическим вопросам.

Вероятно, общество находить, что только немногие даже и из натуралистов могут заинтересоваться статьями последнего рода. С другой стороны, в *Revue* находятся статьи, которые на первый взгляд, кажется, не подходят ни под одну из перечисленных секций, таковы статьи по лингвистике, по географии востока, статьи об открытиях в Ассирии–Вавилонии, Египте, Мексике и т. д. Появление их объясняется таким образом. В настоящее время антропология – наука совершенно естественная – стала в тесную связь с лингвистикой и даже с открытиями по египтологии и ассириологии. Все эти отрасли взаимно содействуют преуспеянию одна другой, все они, между прочим, открытиями последних лет показывают, что библейское учение о первосостоянии человечества оказывается соответствующим действительности, а учение эволюционное, стоит в противоречии с ней.

Для богословов, понятно, прежде всего представляют интерес статьи,

которые опровергают антирелигиозные доктрины, подтверждают и разъясняют Библейское учение о природе. Этими статьями займемся и мы, но прежде сделаем еще несколько общих замечаний о журнале. Каждая книжка журнала подразделяется на 3 отдела: в первом помещаются статьи и исследования по различным вопросам, во втором – библиографические статьи о новых выходящих сочинениях, наконец, в третьем помещаются научные бюллетени об открытиях в тех отраслях знания, которым служить брюссельское общество.

Первый отдел в журнале, понятно, самый важный. Статьи его отличаются большим разнообразием, в нем нет узкой специализации, он дает возможность каждому натуралисту обозревать – хотя, правда кратко – все важнейшее, что делается в областях знания соседящих с его собственной. Ботаник в кратком обзоре может проследить и успехи зоологии и минералогии, химии, физики, астрономии, механики, наконец, геологии и антропологии. Статьи пишутся в *Revue* не популярным языком, ибо предназначаются для лиц с специальной подготовкой, но они чужды и чрезмерного удаления от популярного изложения. Это особенно должно сказать о статьях по астрономии, в которых формулы дифференциального и интегрального исчисления, могущие оказаться непонятными и для натуралистов, авторы выводят или в примечания, или ставят так, что опущение их при чтении не может нарушить понимания читаемого. Точно также в статьях по антропологии авторы не предъявляют к своим читателям неумеренных требований, чтобы они знали о всех открытиях прошедшего и полно представляли себе содержание науки; нет, авторы скромно упоминают в начале своих статей о тех положениях, знание которых необходимо для понимания последних. Возникнувший по побуждениям чисто апологетическим, журнал по-видимому мало заботится о служении своей цели, он отводит большую часть места чисто научным вопросам, изредка лишь касаясь вопросов апологетики. В последние годы он как будто совсем отодвинул их в сторону. По-видимому это представляется уклонением от намеченной цели, на самом деле это весьма полезно для нее, что указали сами учредители общества, когда, определяя задачи и цели устрояемого общества, высказали, что своими научными заслугами члены должны показать, что можно быть глубоко верующим и в то же время истинным и плодотворным ученым. Авторитет ученого, обогатившего науку открытиями и восставшего против тех гипотез в науке, которые стоят в противоречии с учением Откровения, авторитет такого ученого будет гораздо выше, чем слово апологета, только критикующего и разрушающего научные гипотезы, но ничего не

приносящего в науку. Если бы *Revue des Questions scientifiques* представлял собой только разрушительное орудие по отношению к естественнонаучным антирелигиозным теориям, то тогда ученые, враждебные религии, могли бы спокойно не касаться его, но теперь они должны по необходимости обращаться к нему содержащему столь много ценных сообщений по научным вопросам, при этом он; необходимо должны прочитывать и замечания о преждевременности и неосновательности обобщений, внесенных ими в науку.

Второй отдел журнала, как мы сказали, библиографический. *Revue* обыкновенно дает подробный анализ разбираемой книги. Автор анализа, всегда специалист, излагая содержание, делает критические примечания к тем отделам, с которыми он не согласен и делает ссылки на сочинения и открытия, оправдывающие его несогласие и доказывающие несостоятельность утверждений разбираемой книги. Все это делается кратко, сжато и обстоятельно. Для примера можно указать на разбор, сделанный Арсленом книги Мортилье «О древности человека». Вся статья менее 10 страниц, но читатель на основании ее составит себе полное и отчетливое представление о книге Мортилье – книге, представляющей собой венец работ Мортилье – и мало этого, он узнает много доводов, во имя которых нельзя соглашаться с основными положениями и с теориями, защищаемыми в этой книге. В библиографическом отделе вообще разбираются книги, посвященные тем вопросам какие, разрабатывает и брюссельское общество, книги разбираются только ценные и капитальные, имеющие научное или по крайней мере учебное значение. Из учебников, впрочем, разбираются лишь те, которые написаны известными учеными и содержат в себе много самостоятельного, представляя собой *resumé* или конспект взглядов автора (наприм. курс геологии Лаппарана). Если позволительно еще предъявлять какие-нибудь требования к библиографическому отделу *Revue*, то кажется следующие. Во 1) желателен был бы разбор большого числа произведений, чем сколько разбирается в *Revue*. О многих довольно капитальных сочинениях в духе *Revue* журнал не делает отзывов, так, в журнале не помещено отзыва о книге Цокклера «о первосостоянии человечества» (*Die Lehre vom Urstand des Menschen* 1879), в которой выясняется библейское учение о первобытном человечестве и опровергаются антирелигиозные антропологические воззрения. Опусшение разбора такой книги и упоминания о ней представляется тем более чувствительным, что в самом же «*Revue*» один из сотрудников Жан д'Этьен полемизировал против взгляда Ленормана на потомков Адама, как на людей, стоявших на

крайней степени дикости (L'humanite primitive T. 12). Возражения Жана д'Этьен были бы гораздо убедительнее, если бы он воспользовался книгой Цокклера. Можно указать и еще подобные примеры опущения. Так в 1887 г. в Англии вышла книга М. Мюллера «Наука о мысли», (The science of Thought), в которой знаменитый филолог, руководясь данными лингвистики, доказывает, что развитие мышления в человеке и человечестве шло бы иным путем, чем тот, которым оно идет, если бы человек произошел от животных предков, а не был непосредственно создан Богом. В журнале с названием Revue, отводившем притом, особенно в восьмидесятых годах, довольно много места лингвистике, было бы весьма уместным появление отзыва об этом труде, но мы тщетно ждали его там. Во 2) было бы желательно, чтобы разборы выходящих сочинений появлялись более своевременно. Разборы здесь являются довольно поздно: некоторые иностранные сочинения (немецкие, итальянские, английские, наприм. М. Мюллера о прародине арийцев) разбираются через годы после выхода. Но понятно, что составление хорошего разбора иногда не может быть сделано скоро, и во всяком случае должно признать, что лучше сделать разбор позднее, но лучше, чем раньше, но хуже.

Третий отдел часто содержит ценные сообщения для апологетики, хотя посвящен исключительно научным вопросам. Таковы, например, сообщения об открытиях в антропологии, свидетельствующих, что первобытные люди по своей физической организации приближались к обезьянам не более, чем современные (La plathyknemie de l'homme et des Singes), что попытки приписать глубокую древность некоторым человеческим останкам неосновательны (Le chronometre prehistorique du bassin de Penhouet, a Saint-Nazaire. T. 3) и др. об этом отделе журнала должно заметить, что в первые годы он являлся довольно тощим, но теперь разросся сравнительно до значительных размеров.

Мы сказали выше, что мы будем говорить только о тех статьях, вопросы, исследуемые которыми, соприкасаются с вопросами религии, но должно оговориться, что в некоторых случаях довольно трудно разграничить статьи такого рода и статьи чисто научные. Положим в статье идет речь об эмбриологии лемуру. Лемуры – это полуобезьяны лазающие животные старого света, имеющие зубы, как у насекомоядных (наприм. у ежа) сосцы на груди и брюхе. В статье исследуется вопрос о том, как развиваются в материнском чреве зародыши этих животных. По-видимому, какое до всего этого дело апологету? В действительности оказывается, что это исследование может иметь для него значение. По мнению Дарвина и Геккеля лемуры – наши, правда довольно отдаленные

предки. По мнению тех же ученых развитие человеческого зародыша должно прежде всего проходить те формы, какие проходят зародыши человеческих предков. Но по исследованию оказывается, что развитие человеческого зародыша и развитие зародыша лемуру совершаются различными путями; что в человеческом организме образуется прежде, то у лемуру после и наоборот, что строение детского места (плаценты) у лемуру и человека совершенно различны (Дарвин и Геккель а priori предположили их тождественность, что требовалось для их теории. Все это, очевидно, подрывает доверие к родословной, которой британский и немецкий ученые хотели заменить родословную человека, предложенную в Библии. Подобным образом встречается статья о сохранении энергии).

Представляет ли собой эта статья интерес только для физика или и для апологета? Да, и для апологета. По мнению одних физиков, в природе происходит только преобразование сил, переход из одного состояния в другое, заканчивающиеся возвращением к первичному исходному состоянию. Миры возникают, разрушаются и снова возникают. По мнению других мир устроен так, что и энергия в нем распределена неизменным образом: солнечная система не делается ни более теплой, ни более холодной, чем теперь. По мнению третьих, подтверждаемому вескими доводами, жизнь во вселенной и всякие изменения должны окончиться в будущем вследствие имеющего произойти равномерного распределения теплоты и движения. Рассматривая эту последнюю теорию, мы видим, что если ей предполагается окончание вселенной, то значить предполагается и ее начало. А предполагать для вселенной начало значить предполагать ее сотворение. Так встречаемся мы с новым своеобразным доказательством бытия Божия.

К подобному же роду принадлежит статья о приложении математического анализа к естественным наукам в которой, между прочим, исследуется вопрос о приложении анализа к психологии, где мы встречаем доказательство несостоятельности теоремы Фехнера, что ощущение есть логарифм раздражения, доказательство несостоятельности многих выводов полученных через механические и физиологические приемы исследования в психологии и т. д. Много можно привести и других примеров того, что название статей не содержит никакого намека на связь их с вопросами религии, и, однако их содержание касается таких вопросов. За всем тем большинство статей Revue не имеет отношения к религии и достаточно взглянуть на заглавие многих из них, что—бы убедиться в этом, на прим. об ассенизации городов, об укрощении волн в океане и морях при помощи масла, об успехах фортификации, о

предположении существования спутника у планеты Венеры, о динамоэлектрических машинах и т. д.

Но обратимся к статьям апологетическим. Revue возник для борьбы с материалистическим мировоззрением, отрицающим телеологию и сотворение человека Богом. По отношению к телеологии Revue в своих статьях показывает, 1) что в том виде, в каком существует в настоящее время эволюционное учение, отрицающее телеологию, оно на основании научных данных должно быть признано несостоятельным, 2) что если по внесении некоторых изменений и исправлений в эволюционную теорию, она и может быть допущена, как правдоподобная, то в правдоподобном виде она вовсе не стоит в противоречии с телеологией. В статье «палеонтология и дарвинизм» показывается, что данные палеонтологии вовсе не подтверждают собственно дарвиновской теории, что они показывают, что в древнейших отложениях находятся наименее развитые типы животных, а в новейших наиболее развитые, не эти переходы от менее к более совершенному, видно, происходили в природе некоторыми скачками, а не с строгой постепенностью, как это предполагает строгий дарвинизм. Находя много представителей того или другого родственного видов, палеонтологи не находят связующих звеньев между этими представителями. Объяснять это не нахождение недостаточностью исследований не позволяет теория вероятностей. Представим себе ящик, наполненный миллионом шаров, из которых 10 совершенно белых и 10 совершенно черных, остальные представляют комбинацию этих двух цветов, т.е. являются переходными от белого к черному. Какая может быть вероятность при вынимании пятнадцати шаров вынуть исключительно белые и черные и никаких других? Вероятность эта равна бесконечно малой величине, приближающейся к нулю, однако палеонтологи вытаскивают нам только белые и черные шары (различные виды, а не связующие звенья). Это можно объяснить только тем, что посредствующих звеньев никогда не существовало и в природе.³ В другой статье «паразитизм и трансформизм»⁴ исследующей, то явление в природе, которое можно назвать «загребание жара чужими руками», показывается, что стремление к приспособлению может вести вовсе не к усовершенствованию, а к деградации, что наиболее устойчивыми и приспособленными к среде являются не высшие организмы, а паразиты. Наконец, в третьей (библиографической) статье, представляющей собой разбор сочинения Гартмана «Истинное и ложное в дарвинизм»⁵ показывается, что насколько дарвинизм противоречив телеологии, настолько он несомненно несостоятелен, и что, в чем он может оказаться

истинным, в том он стоит в полном согласии с телеологическим учением.

Кроме указанных статей, на содержание которых мы только намекнули, в Revue помещены и многие иные по отдельным вопросам зоологии и ботаники, равно и научные бюллетени (наприм. о пинеальном глазе), подрывающие дарвиновскую теорию. Но вообще разбору эволюционной теории происхождения животного мира Revue отводит мало места, за то журнал отводит очень много места вопросу о человеке.

Вопрос о происхождении человека, без сомнения, является центральным пунктом для столкновения веры с неверием. Если бы кто-нибудь обратился к Revue с надеждой найти исследования или статьи, прямо посвященные опровержению доктрины Дарвина, то он, листая журнал, принужден бы был испытать разочарование: таких исследований и таких статей он бы не нашел. Однако, скажем мы, едва ли где можно найти большее количество данных и при том данных лучшего качества для опровержения этой теории, чем в этом журнале. Опровержению этой теории журнал отводит очень много места и ведет полемику с замечательными тактом и силой, он не ставит над своими статьями рекламообразных заглавий, подобных тем, которые мы видим над некоторыми сочинениями: «Полное опровержение дарвинизма», «Атеизм, опровергнутый наукой» и т. д. нет, под скромными заглавиями; «Закон природы и коралловые острова», «Грот Биш-о-рош» и др. он выдвигает могучие аргументы против эволюционной теории происхождения человека. Давши в нескольких статьях разъяснение различия человека и животных с психической стороны и человека, и человекообразных обезьян с физической, журнал переносит вопрос на палеонтологическую почву, констатировав отсутствие в прошедшем связующих звеньев между человеком и обезьяной, он рядом открытий (в Ментоне, в гроте Биш-о-рош, в Мустье) показывает, что древнейшие ископаемые люди с психической стороны стоят не ниже, а выше современных дикарей, что человек, насколько он известен, всегда был человеком, имел религию, эстетические наклонности и т. д. Все это утверждается не голословно, а доказывается фактами – археологическими и палеонтологическими находками, собственно в большинстве случаев это даже не утверждается, а приводятся сообщения об открытиях, из каковых сообщений с необходимостью следует, что те или иные аргументы в пользу животного происхождения человека должно признать потерявшими значение. С другой стороны, относительно дикарей, на которых эволюционисты ссылаются, как на представляющих собой образец первобытных людей, в Revue устанавливается взгляд, что на самом деле многие дикари находятся

в настоящее время на гораздо низшей степени духовного развития, чем то, на которой стояли их предки. Отсюда само собой следует, что судить по ним о первобытном человеке, первобытной религии и т. д. нет оснований. Далее в *Revue* постоянно сообщаются сведения об открытиях в области палеонтологии, проливающих свет на истинное значение эволюционной теории происхождения человека. Тщательное исследование этих открытий всегда оказывается враждебным эволюционной доктрине, а иногда дело доходит даже до смешного. Так, в ряду немногочисленных остатков костей человека, которые, по утверждению эволюционистов, будто бы показывают, что в прошедшем люди стояли ближе к животным по своей организации, чем теперь, указывали, между прочим, нолетскую челюсть. Челюсть эта лишена *ароплиyses geni* (некоторого выступа, к которому прикрепляются мускулы языка). Из этой особенности ее делали заключение, что ее обладатель, как и все его современники были лишены органа и способности речи. Воображению рисовался «бессловесный человек» Геккеля. Нечего, конечно, говорить о поспешности обобщения из единичного факта, на которую законно указывали эволюционистам, увы случилось нечто горшее: в течение более 20 лет эволюционисты ссылались на челюсть, как на одно из важных доказательств в пользу их теории, но вот, одному пришла в голову счастливая мысль промыть ее и по промытии оказалось, что *ароплиyses geni* существует у нее, как и в других костях, но только был замаран грязью (*La machoire de la Noulette*. Т. 21). Многие и иные доказательства эволюционистов постигла подобная же участь, о чем в *Revue* и даются подробные сообщения.

Обличая несостоятельность антирелигиозных естественно–научных воззрений, *Revue* отводит место и для апологетики библейского учения о природе, для доказательства того, что библейское учение и естественно–научные открытия находятся не в противоречии между собой, а в гармонии. Не всегда легко показать это. Ум человека слишком ограничен и при исследовании и изучении явлений природы он легко может увидеть себя принужденным склониться к мнению, по–видимому, стоящему в противоречии с Библией, и вследствие этого может увидеть себя принужденным отрицать божественный авторитет последней. Впоследствии обыкновенно оказывается, что или мнение, принятое за истину, на самом деле было ложью, или что противоречие между сделанным открытием и Библией было мнимым. Предостерегая от увлечения модными теориями и от искажения в пользу их смысла библейского текста, *Revue* предлагает следовать такому правилу: когда какое–нибудь положение науки приобретает характер истины и в тоже

время является стоящим в несогласии с откровением, то не должно оспаривать ни научной, ни откровенной истины, должно ждать открытия третьей истины, сокрытой у Бога, которая бы примирила между собою две первые.⁶ Впрочем, судя по статьям журнала, можно думать, что такие третьи истины везде открыты, что, однако представляется в некоторых случаях спорным, а в некоторых даже прямо неправильным.

Первое, что возвещается нам в Библии есть то, что мир сотворен Богом из ничего, что мир не самобытен. В Revue приводится математическое доказательство творения Богом мира, доказательство это представлено Карбонеллем. Карбонелль анализирует понятие бесконечного числа (x). По мнению некоторых, выражение «бесконечное число» представляет собой противоречие; по мнению других, нужно различать бесконечное в возможности, которое будто бы допустимо, и действительно бесконечное, которого существовать не может. Карбонелль дает такое определение: число бесконечное не есть нелепость, но оно есть нечто неопределенное. Представим себе, говорит он, белый шар; сколько таких шаров возможно сделать еще? Бесконечное число. Положим, что разность двух количеств $(x-y) = a$: спрашивается, сколько решений имеет такое уравнение? Единственный ответ: бесконечное число. Но не будучи абсурдом, бесконечное число не может быть и определенным. В приведенных примерах им обозначалось неопределенное множество, не трудно доказать, что представление его определенным ведет к нелепым выводам. Представим себе два бесконечные ряда чисел

1. 2. 3 . 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10...

1. 4. 9. 16. 25. 36. 49. 64. 81. 100...

Второй ряд состоит из квадратов чисел первого ряда. Спрашивается, при продолжении до бесконечности какой ряд будет больше: первый или второй? Принимая во внимание, что при продолжении до бесконечности в первом ряду будут заключаться все возможные целые числа, а во втором не будет: 2, 3, 5... и множества иных, должно бы сказать, что второй ряд будет меньше первого, но мы видим, что такое заключение было бы нелепо. Источник этой нелепости, по Карбонеллю, нужно видеть в том, что мы в данном случае пытаемся усвоить бесконечности значение определенного числа, сравниваем числа, помноженные на бесконечность, но так как на самом деле бесконечность имеет неопределенное значение, то понятно, что, помножив определенное на неопределенное и, пытаясь сравнивать полученные произведения, мы приходим к нелепым выводам. Знаменитая космологическая антиномия Канта: мир не имеет предела, он бесконечен в пространстве и времени, построена и имеет источником

своим тот софизм, что бесконечное число есть число определенное. По разоблачении этого софизма антиномия теряет свою силу и значение. Установив, что бесконечное есть нечто неопределенное, и что не может существовать неопределенного числа миров, Карбонелль приходит к заключению о конечности мира в пространстве. Далее, исходя из того же, он приходит к заключению о конечности его во времени. Всякое прошедшее событие, всякое материальное явление может или могло быть только под условием, что оно произошло в определенный момент в прошлом. Сказать, что оно произошло в неопределенное время, значит сказать, что его никогда не было. Отсюда следует, что никакое явление в мере материальном не может быть отделено от настоящего определенного момента бесконечным временем, значит мир конечен во времени. А если мир конечен по времени и пространству, то значит он сотворен Богом.⁷

Откровение дает нам историю творения, наука тоже старается начертить историю образования мира. Соглашению естественнонаучных теорий с библейским повествованием о творении посвящено в Revue исследование Жана д'Этьен: «Как образовалась вселенная?»⁸ Исследованию предпослано введение, в котором автор сообщает кратко о некоторых попытках согласить Откровение с наукой. Затем, в первой части он опровергает неправильное понимание первой главы Бытия, именно понимание предполагающее, что книгой Бытия утверждается неподвижность земли и движение солнца, предполагается существование твердого небесного свода и сотворение мира в 6 дней, по 24 часа в каждом. Жан д'Этьен пытается доказать, что ни того, ни другого, ни третьего в Библии не предполагается, он дает анализ священного текста и затем во второй части исследования пытается согласить повествование Моисея с гипотезой Лапласа и с учением геологии. Выражение: «вначале Бог сотворил небо и землю» Жан д'Этьен толкует в том смысле, что вначале Бог сотворил эфир, принцип сущности неба и земли, вообще сотворил бытие, но это было бытие без действия, почему оно и пребывало в абсолютном мраке. Но вот, Бог привел силы, сотворенные им в действие (и Дух Божий носился над водами). Возникло движение, которое постепенно преобразовалось в теплоту, теплота развивала и развила свет, вся вселенная представляла собой одно светящееся целое, светящуюся туманность. Этот переход от абсолютного мрака к полноте света происходил в течение миллионов веков, и обозначен бытописателем, как совершившийся в 1 день (в первый неопределенно долгий период времени). Второй день (т.е. опять неопределенно долгий период времени) обнимает собой, по Жану д'Этьен, период отделения и обособления земли

от блестящей туманности, потерю земель света, образование на ней атмосферы, морей и суши, и возникновение жизни в водныхместилищах земли. Представляющиеся два возражения 1) что в Библии о втором дне говорится, что Бог создал во время его твердь, а вовсе не обособил землю, и 2) что сотворение растений приурочивается в Библии к третьему дню, а животных к пятому, Жан д'Этьен устраняет таким образом. Под твердью (rakia) нужно разуметь, говорит он, не небо, а пространство, и поэтому на латинский язык он переводит rakia не словом «firmamentum», а словом expansio. Разделение вод и устройство тверди поэтому и должно понимать в смысле обособления миров, соединенных прежде в одно целое. Что касается до того, что появление жизни на земле приурочивается не ко второму, а к следующим дням, то Жан д'Этьен говорит, что Моисей в своем повествовании о сотворении растений и животных говорит только о флоре и фауне наземных, но не касается флоры и фауны подводных, между тем как первобытные флора и фауна были исключительно подводными. Таким образом, второй день творения обнимает, по его представлению, так-называемый в геологии первичный период (закрывающий в себе лаврентийскую, гудзоновскую и силлурийскую эпохи, представляющие самые глубокие первобытные отложения земли: не кристаллические скалы, скалы кристаллические и метаморфные, первобытные граниты и гнейсы). Третий день (период) характеризуется появлением наземной флоры, он соответствует в геологии эпохам девонской и каменноугольной. Исследование растений этих эпох показывает, что земля была тогда в совершенно иных условиях, чем теперь, именно атмосфера ее была тогда чрезвычайно насыщена углекислотой, затем, на земле тогда не было различия климатов и времен года. Первое доказывается обилием углерода в растениях этих эпох, второе – тем, что растения одних и тех же видов были распространены тогда по всей земле (встречаются и у Шпицбергена, и у полюсов), и что при перерезывании этих растений в стволах не оказывается тех концентрических кругов, по которым в настоящее время мы узнаем возраст растений, и существование которых обусловлено различием времен года. Это показывает, что тогда были иные астрономические условия, чем теперь. Солнце собственно существовало тогда, но лучи его проходили на землю при иных условиях, чем в настоящее время (проходили сквозь обильные водяные пары и углекислоту), и оно стояло к земле в иных отношениях, чем теперь, но в четвертый день (период) установились те астрономические отношения, которые существуют в настоящее время. Пятый день соответствует палеозойному периоду, т.е.

совокупности тех геологических эпох, в течение которых образовались и развились земноводные, пресмыкающиеся и летающие. По Ж. д'Этьену, в Библии в повествовании о пятом дне творения не говорится ни о рыбах, ни о птицах. Еврейское слово «*Норф*», переводившееся – «птицы», по его утверждению, значит собственно: летающие (в палеозоический период существовали, напр. Птеродактили – животные, которые летали, но которых по другим признакам можно отнести скорее к пресмыкающимся, чем к птицам). Равным образом то выражение, которое в нашей славянской Библии обозначается словами, «киты великие» в еврейском языке, по Ж. д'Этьену, собственно значит морские чудовища, имеющие дыхание жизни, т.е. дышащие при помощи легких. В третьей части исследования Ж. д'Этьен говорит о шестом дне. Этот день (период) соответствует, по его мнению, третичному и четвертичному периодам в геологии, обнимая собой время от появления млекопитающих до сотворения человека, каковое сотворение было последним актом в образовании земли. При повествовании о каждом дне Ж. д'Этьен довольно подробно характеризует геологические формации, образовавшиеся в течение его, а также фауну и флору, находимые в этих формациях.

Трактат Ж. д'Этьена есть единственное большое сочинение, исследующее вопрос об истории творения на страницах *Revue*, но кроме него есть некоторые статьи, тоже посвященные (обыкновенно одной какой-либо его стороне) этому вопросу. Две таковые статьи написаны Ж. д'Этьеном по поводу космогонической теории Фая. Он не критикует с астрономической точки зрения эту гипотезу, но настаивает только на неправильном отношении Фая к Библии, естественно-научная сторона которой, по Фая, полна заблуждений. Ж. д'Этьен опровергает взгляд Фая тем, что палеонтологические исследования показали, что действительно развитие земли и ее организмов шло последовательно от несовершенного к совершенному, т.е. в общем так, как представляет его и Библия. Это согласие показаний Библии с новейшими открытиями и указывает, по Ж. д'Этьену, на то, что показания Библии не суть произведение человеческое, но божественное.

Кроме статей Ж. д'Этьена должно отметить еще две статьи Фовилля (*Ler jours de la semaine et les oeuvres de la creation*. Т. II, et. *Encore les jours de la creation* Т. 15), посвященные истории творения. Фовилль разбирает в этих статьях новый взгляд на первую главу бытия, предложенный Клитфордом. По мнению Клитфорда, признающего богодухновенность Библии и вдобавок аббата, в первой главе бытия не говорится ни о каком творении. Первая глава, по его мнению, представляет собой литургический

гимн. Он остроумно объясняет ее происхождение, из какого объяснения вытекает его взгляд и на ее характер. Во время пребывания евреев в Египте, говорит он, евреи пользовались египетским календарем, в котором каждый день посвящается какому-нибудь богу. При выходе евреев из Египта Моисей, опасаясь, что если у евреев не будет своего календаря, и они будут пользоваться календарем египтян, то они будут почитать и богов египетских, решил дать им свой календарь. Так как евреи почитали одного Бога и никого кроме одного Бога, то вместо посвящения каждого дня особому Божеству Моисей решил призвать евреев к посвящению каждого дня воспоминанию о каком-нибудь деле Божьем, воспоминанию о том или ином из актов творения этого мира, который весь был некогда вызван из небытия к бытию Богом, причем порядок этих воспоминаний мог несколько не соответствовать действительному порядку событий. И вот, для этой цели Моисей написал то, что теперь помещается как история творения в 1–2, 1–4 ст. кн. Бытия. Клитфорд доказывает правильность своего взгляда и особенностями языка первой главы, и самым ее текстом и сличением ее с другими частями Библии. Фовиль оспаривает взгляд Клитфорда отчасти по тем же соображениям, по каким Ж. д'Этьен оспаривал взгляд Фая на первую главу бытия, главным образом на основании исследования толкуемого текста.

Кроме отмеченных, в *Revue* не было помещено отдельных статей о творении, но было сделано много библиографических отзывов об отдельных изданиях, примиряющих кн. Бытия с наукой, и о толкованиях на кн. Бытия. Эти отзывы знакомят со всеми существующими гипотезами, примиряющими учение откровения с данными естествознания, каковы гипотезы соглашения, восстановления и др.

В семидесятых годах в католическом мире возродилась старая теория о преадамитах, возродилась, впрочем, в новом виде. Обстоятельства, вызвавшие ее возникновение, были следующие. Во Франции, Португалии, а затем и в Бельгии в древнейших отложениях (третичных) были найдены камни и другие предметы, носящие будто бы на себе следы руки человека. Но потомки Адама по-видимому не могли жить в столь глубокой древности. Вследствие этого была построена такая теория, что еще до Адама и может быть очень задолго на земле жили люди, но что все они затем погибли, и что все современное человечество произошло от непосредственно созданного Богом Адама. Догматы творения, падения и искупления таким образом сохранялись в их неприкосновенности. Теория эта прежде всего была развита Фальрожером. К чести *Revue* нужно сказать, что в числе его сотрудников, несколько раз касавшихся новой

теории (Sur la question de l'homme tertiaire. T. 2. Com. s'est forme l'univ.), теория эта не нашла себе сторонников. Она или решительно отрицалась, или о ней замечали, что в ней нет нужды. Большинство ученых, помещающих свои статьи в Revue, решительно оспаривали, чтобы действительно на предложенных для обсуждения французских, португальских и бельгийских камнях и других предметах можно было видеть следы рук человека, более склонялись к мнению, что это – следы действия природы или хищных животных (вопросу этому в Revue посвящено несколько статей, наиболее полной и обстоятельной из которых является статья Гамарда L'homme tertiaire T. 5).

Не смотря, однако на то, что достаточных оснований для признания существования третичного человека не имеется, некоторые и из сотрудников Revue (Буржуа, Надайяк) допускают его существование, видя в нем только потомка Адама, а не преадамита. Они говорят, что в Библии нет хронологии, и что древность человека может быть простирается на 100 и более тысяч лет. К последнему мнению присоединяется и большинство сотрудников Revue, хотя заметно стремящихся сократить цифры, которыми обозначают ученые древность человечества. Мы не можем указать ни одного из сотрудников журнала, который стоял бы за традиционную библейскую цифру возраста человечества, можем указать только двух, которые вопрос о ней оставляют открытым – это Гамард и Вигуру, прочие же прямо признают ее неверной. Они говорят, что в Библии потомки Адама до Авраама перечисляются не подряд, а с пропусками, перечисляются только знаменитые, и неизвестно, число опущенных может быть очень велико.⁹ Вопрос о хронологии, которая построилась через сложение лет, протекших от рождения одного патриарха до рождения, следующего с летами этого следующего до рождения у него сына и т. д. должно признать открытым. Они приводят и основания своего взгляда. Во 1) в еврейском тексте, вульгате и вообще во всех списках Библии (кроме семидесяти) пропуск (Каинана – после потопного патриарха) в перечислении патриархов уже обнаружен; во 2) симметрия в цифрах, обозначающих число патриархов (10 до и 10 после потопа), побуждает склониться к мысли об искусственности этой цифры; в 3) возможность пропусков в родословных ветхого завета подтверждается аналогией из родословной завета нового, предлагаемой св. Матфеем, который опускает некоторых предков Господа, и через это в числах у него тоже получается симметрия (14, 14, 14). Имея в виду эти соображения и руководясь данными палеонтологической антропологии и доисторической археологии, брюссельские ученые определяют древность человека более,

чем в 10 тысячелетий. Тем не менее, в общем они стоят против стремлений увеличивать возраст человечества, и можно указать много статей, в которых относительно тех или иных человеческих останков доказывается с весьма большой убедительностью, что древность их равна всего нескольким тысячам лет и весьма далека от фантастических сотен тысячелетий геологов.

На протяжении между 1877–1914 г. г. т. е. на протяжении 37 лет *Revue* дало множество работ, которые, расширяя с одной стороны территорию научных завоеваний человечества, с другой устраняли материалистические примеси у научных представлений. По поводу многих таких работ писал я. В *Revue* Лигондэ развил свою теорию происхождения мира (сама книга, посвященная проблеме, вышла независимо от *Revue*). Я писал об этом в трактате «Гадания ученых о происхождении мира». Жонг дал работу о тайных обществах на Конго. Я воспользовался сообщенными им фактами в моей статье «мистерии на берегах Конго». В. Грегуар писал о менделизме. Я касался его работ в своих статьях над заглавием «менделизм». Лаппаран дал целый ряд апологетических работ, которые вошли в посмертное издание его статей под заглавием «минеральная философия». Я дал обзор работ Лаппарана.

По бюллетеням *Revue* в значительной мере – не скажу: вполне – можно было следить за научными открытиями, устанавливающими согласие христианского миропонимания с данными действительности.

Следует отметить содержание последних книжек *Revue* 1914 г. после выхода которых журнал прекратил свое существование. Немецкие пушки, разрушая Брюссель и Лувен, вместе с тем наносили удары науке, религии и их союзу. Будем надеяться, что Бельгия поднимется из-под развалин, ученое брюссельское общество снова заживет полной и плодотворной жизнью и *Revue* будет снова печатать поучительные естественнонаучные статьи в духе веры. Но пока журнал прервался.

Как будто что-то предчувствовали бельгийцы. Иезуит Шарль (R. P. J. Charles S. J.) в январской книге журнала поместил статью *Le Compromis Austro-Hongrois* и в апрельской – *L'Industrie autrichienne*. В первой из этих статей автор вспоминает, что бельгийцы в XVI и XVII столетиях были подданными габсбургской династии, говорить, что в Бельгии забыли об этом и что в течение последних более чем 80 лет мира разнообразные и многочисленные предприятия Бельгии в Аргентине, России, Китае и на Конго заставили ее оставить Австро-Венгрию вне поля своей деятельности. Автор в своих статьях обстоятельно знакомит

соотечественников с политическим, финансовым и экономическим положением двуединой империи, сочувственно относится к развитию ее промышленности и явно желает, чтобы и она стала полем бельгийской деятельности. В статьях говорится, что север Германии – наш непосредственный сосед между прочим отвлек внимание Бельгии от Австрии. Статьи написаны перед войной. Непосредственный сосед в связи с своим дорогим другом – Австро–Венгрией ответил тем, что обнаружил охоту свести к нулю Бельгию и ее деятельность.

В ранних книжках *Revue* помещались статьи об укреплениях и крепостях. В последних нет таких статей. Поздно было писать об этом. Только одна статья «Баллистика охотничьего ружья» (*La Ballistique du fusil de chasse*) стоит в некоторой связи с военным делом.

Интересным обещало быть недоконченное исследование Буля – о нервном элементе в животных организмах (заглавие: *Element nerveux*). Статья биологического характера, но стоящая в связи с психофизиологией. Автор устанавливает два положения, что существуют животные организмы без нервов и что где только появляются нервы, они оказываются связанными со всеми функциями организма. Признавая существование животных без нервной системы, автор, однако, склонен в упрощенных безъядерных организмах (*cytodes*) Геккеля видеть не зоологические факты, а просто миф.

Исследование «нервный элемент» принадлежит иезуиту – Булю точно также иезуиту – Девизэ принадлежит работа «партеногенезис». Зоология знает факты возникновения и развития организмов без участия мужского элемента. Факты девственного рождения – партеногенезиса. Зоология, дающая теперь широкое применение эксперименту, создала факты искусственного партеногенезиса. Из того обстоятельства, что мать может рожать без участия отца, некоторые и особенно Леб склонен делать вывод, что жизнь и вообще может возникнуть без участия жизни, т. е. ее могут произвести механические факторы. Девизэ учит, что факты искусственного партеногенезиса на самом деле не дают опоры ни для механических, ни для виталистических воззрений. В партеногенезисе во всяком случае мы имеем происхождение жизни от жизни. В материнском организме яйцо, заключающее в себе возможность новой жизни, развивается до некоторой стадии без внешнего воздействия. Затем, это развитие останавливается, и при отсутствии внешнего (отеческого) воздействия яйцо погибает. Но иногда бывает достаточно искусственного механического воздействия, чтобы яйцо продолжило развитие, и из него возник организм. Такие организмы, однако, оказываются ненормальными,

уродливыми, скоро погибают; несколько форм было доведено до состояния зрелости, но затем они также погибли. Вообще внешнее воздействие на материнское яйцо сводится к двум фактам: 1) механическому толчку и 2) передаче отеческих свойств новому организму. Там, где нет необходимости во втором, может иметь место естественный или искусственный партеногенезис. Там, где необходимо второе, партеногенезис не имеет места.

На биологическом эксперименте основана также работа ботаника Виктора Грегуара – «Изменчивость растений и искусственный подбор». Грегуар – менделист, подбору он указывает ограниченное место и усваивает ему значение совершенно не похожее на то, которое придавал ему Дарвин. По Дарвину подбор создал весь органический мир. Грегуар принимает, что в природе существуют скрещивание – оплодотворение одного вида другим и мутации – появление в растениях значительных изменений без каких-либо видимых воздействий. Подбор может лишь утилизировать явление мутации и факты скрещивания. Если подбор имеет дело с расами чистыми, где не было скрещивания и где не обнаруживается тенденция к мутациям, попытки путем подбора создавать новые породы и разновидности будут безрезультатными.

Revue в 1877 г. дебютировало трактатом Жана д'Этьена «Как образовалась вселенная?» В 1914 г. перед своим прекращением журнал снова возвращается к этому вопросу. Виконт Роберт д'Адемар дает анализ книги Пуанкаре о космогонических гипотезах. Пуанкаре умер и статья Адемара написана раньше, чем Германия обрушилась на Бельгию и Францию, но любопытно, что при обозрении космогонических гипотез упоминается имя одного только немца и теория его трактуется крайне пренебрежительно. Немец этот – Кант. Кант представляет себе хаос находящимся в абсолютном покое. Существование такого хаоса не может допустить механика. Кометы по Канту должны вращаться в направлении планет. В его время уже было известно, что это неверно. Как наиболее ценная, рассматривается теория Лапласа с дополнениями и поправками Роша. Затем излагаются гипотезы Фая, виконта Лигондэ, Си, Джорджа Дарвина, Аррениуса и Бело. О всех этих гипотезах мне приходилось говорить на страницах «Богословского Вестника». На очереди дня стоит гипотеза Бело. Она развита автором на страницах Брюссельского журнала *Ciel et Terre*.

Не считая вопрос о происхождении мира решенным, Адемар гипотезы об этом происхождении считает ценными и самую их взаимную борьбу рассматривает, как плодотворную. Свою статью он заканчивает словами

Августина: *in dubiis libertas, in omnibus caritas* – в сомнительном свобода, во всем – любовь. Но с тех пор как Адемар закончил свою работу этими словами, Бельгия лишилась свободы и испытывает на себе иго германской ненависти, жестокости и заносчивости. В песне бельгийских кружевниц, тянущих вместо воздушных кровавые нити, слишком суживается то зло, которое Германия причинила Бельгии и всему человечеству.

На веки слава Бельгии жива,
Неугасимо вечной правды пламя...
И залитые кровью кружева
Поднимет мир – как дорогое знамя!¹⁰

Не одно только производство кружев – остановила Германия, не только разрушила соборы, перебила население, надругалась над женщинами, но она остановила работу верующей мысли. Благополучно на своих богословских факультетах дойдя до отрицания веры и заменив явный культ Бога тайным культом сатаны, Германия разрушала в Брюсселе, Лувене, Малине не только молитвенные собрания, она старалась уничтожить то, что может быть и доселе смущает совесть Делича и Гарнака, когда в лучшие минуты жизни их умственному взору предносится вопрос: «а что если в этом собрании книг, которое называется Библией, все правда, как об этом настойчиво твердили и твердят в Лувене?» Для успокоения смущающейся совести, разумеется, лучше всего сравнить с землей Лувен и все, что на него похоже. Противники веры в откровение должны радоваться, что реакционные очаги веры гибнут, благодаря энергии Вильгельма, кронпринца и иных представителей прусской культуры.

Но мы не будем радоваться с ними. Трепетание и горение веры – хотя бы и не вполне той, которая для нас есть абсолютная истина, дороги нам. Мы скорбим о тех испытаниях, которые посылаются этой вере, и мы верим, что недалек час, когда провидение положит конец этим испытаниям, вернет Бельгию к разумной, деятельной и спокойной жизни и брюссельское ученое общество снова станет выяснять миру, что

*nulla unquam inter fidem et rationem
vera dissensio esse potest.*

Обратимся к Парижу.

Религия и Париж – вот, сопоставление понятий, которое без сомнения многим покажется странным. Париж, это – новые Афины, город изящества, вкуса, роскоши и красоты, город утонченных наслаждений и утонченных пороков. Его культ – красота. Его храмы – музеи. Его главная святыня – Лувр, шедевр Лувра – Венера милосская. Для безрукой богини,

исполненной какой-то безнадежной и беспомощной красоты, парижане отвели особую залу, и здесь жрецы чистого искусства ничем не рассеваемые могут наслаждаться созерцанием этого чудного произведения неведомого художника. Париж славится своими театрами, магазинами, садами, бульварами. Богатые любители красоты и наслаждений стекаются сюда со всего мира, и деньги изо всех стран льются в столицу Франции. Но где здесь религия? В школах здесь не преподается закон Божий, от граждан не требуется, чтобы они исповедовали какую бы то ни было религию. И в странах – далеко, далеко лежащих от Парижа, когда говорят о нечестии и безбожии, то связывают их с именем этого города и употребляют эпитет «Новый Вавилон», а иногда даже вспоминают и о Содоме.

Может быть в далеком прошедшем так думали и говорили и об Афинах. Однако апостол языков, прибывший в эту столицу Эллады, не только не назвал город безбожным, но засвидетельствовал, что афиняне представляются ему как бы особенно набожными. Особенно, Апостол не сказал, что источник набожности афинян имеет исключительно чистый и возвышенный характер, что их набожность есть именно та, которая требуется свыше, напротив, в своей речи он возвестил, что истинный Бог был для них неведомым Богом, скорее предметом искания, чем поклонения. В речи давалось понять, что Его и искали не там и не так, как и где должно было искать. За всем тем, значить, в городе, с именем которого связывалось представление о вольномыслии и отрицании, не было действительного безбожия, в нем существовало и богопочитание, и богоискание, в нем стояло множество алтарей и множество людей размышляло о вопросах религии.

Современный наблюдатель религиозной жизни в Париже должен также отвергнуть обвинение этого города в безбожии, как это должен был сделать относительно Афин наблюдатель первого века нашей эры. Какие бы безбожные речи ни говорились и какие бы кощунственные статьи и книги ни появлялись в Париже, в нем возвышается семьдесят грандиозных католических церквей, в которых совершаются постоянные мессы и никогда не бывает недостатка в молящихся. Кроме того, в нем имеется масса капелл, более сорока протестантских церквей (аугсбургского, реформатского исповеданий, англиканские и американские), три православных, и одна из них русская (две другие – греческая и румынская), несмотря на внушительные размеры, едва вмещает молящихся. На улицах, в музеях, Сорбонне, Коллеж де Франс постоянно встречаются кюре. Часто на улицах встречаются девочки-подростки все в

белом, закутанные в белых покрывалах, их можно было бы по их костюму счесть за невест, если бы не их детские личики. Это – девочки, допущенные в первый раз к причащению. Все это показывает, что в этом трех миллионном городе, в этом шумном царстве страстей человеческих, где жизнь бьет таким живым ключом и люди живут главным образом нервами, есть, однако, много людей, которые не хотят преклонять своих колен перед Ваалом, которых житейский шум не заставлял забывать о свышнем мире.

Но не о религиозности парижан хотим говорить мы. Конечно, в Париж не ездят затем, чтобы учиться благочестию. Практическая сторона религии здесь не может быть сильной. Но вот, что заслуживает глубокого внимания и исследования: в Париже, как нигде в мире, широко и разносторонне поставлено теоретическое изучение религии. Какие причины произвели это? Говорят, что люди, когда теряют веру, начинают рассуждать о ней. Может быть так, но может быть это изучение религий имеет для себя и не только указанную метафизическую, а еще и строго реальную подкладку. Колонии в Азии, Африке и Америке заставляли французское правительство посылать в эти страны научные экспедиции, которые натолкнулись на своеобразные религиозные богатства Камбоджи, Бирмы, Сиама, Аннама, Тонкина, и так возник интерес к религиозному изучению. Но как бы то ни было, Париж насчитывает и множество исследователей по истории религий и лучший в мире музей по истории религий (разумею музей Гимэ), и в его разных музеях и библиотеках имеется без численное множество пособий, по которым можно исследовать религиозные судьбы человечества в их прошлом и настоящем.

В различных местах Парижа читается целая серия курсов с характером университетским, курсов в объеме средне учебных заведений и, наконец, совершенно элементарных. Предметами этих курсов служат искусства, языки, литература, история, физико–математические дисциплины, науки социальные, естественная история и даже медицина. Солидное место в курсах школ, так называемого, высшего изучения занимает история религий. С ней приходится встречаться в самых различных местах. Так имеются здесь исторические курсы на улице Принца, там читалась, наприм. символика древних и новых религий. Есть здесь так называемая луврская школа (при музее), в ней читаются курсы по археологии и цивилизации государств древности – Ассирио–Вавилонии, Египта и т. д. Понятно, что памятники археологические и культурные этих государств в значительной мере памятники религиозные, и понимание их обусловливается пониманием духа религиозных верований их народов.

Курсы (Бертрана, давшего исследование о религии галлов, Пиэрэ – египтолога и др.) в значительной мере и состоят из изложения и толкования этих верований. Но здесь на этих курсах все–таки на первом плане стоять эстетика и история вообще. В Париже имеются учреждения, где исследование религиозных судеб человечества не затемняется и не отстраняется никакой посторонней целью, таковы курсы в Коллеж де Франс и секция по религиозным наукам в Сорбонне.

Коллеж де Франс существует в Париже с первой половины XVI столетия. Своим возникновением он обязан Франциску I-му (1515–1547 гг.), здание для него выстроено Генрихом IV (1589–1610), реставрировано и расширено в новое время, но теперь уже имеет довольно унылый и загрязненный вид. Задача учреждения давать бесплатно высшее образование по самым различным специальностям. В Коллеж де Франс может приходиться каждый желающий и слушать какие ему угодно лекции, которые читаются ежедневно (кроме праздников и летних каникул) от 9 час. утра и обыкновенно до 6 час. вечера. Читают 50 профессоров. Читаются не курсы наук, а отделы по специальным вопросам различных отраслей знания. Мне лично пришлось там слушать курсы в 1899 г. Курсы специально по истории религии читались тремя профессорами: Жаном Ревилем (история христианской церкви со времени смерти Григория VII – 1085 г. – до IV латеранского собора – 1215 г.), Гастоном Масперо (о текстах, относящихся к древней религии Египта и история теократического управления в Фивах) и Филиппом Берже (история Давида и религия финикийцев). Из двух курсов Масперо первый был посвящен разбору надписей на пирамидах 4–6 династий (Choufou, Snefrou, Menkore, Péri, Mer-en-Re и т. д.). Увлекающиеся ученые готовы отодвигать эту эпоху за 3000 лет до Р. Х. Религия египтян тогда в своих основных чертах было уже той, какой она является и в последующее время [происходит только осложнение и объединение верований, но боги первых династий не исчезают и не забываются]. Как любопытную черту Масперо раскрыл почитание у египтян в ту отдаленную эпоху некоторых созвездий, так сказать, египетский сабеизм. Для православного богослова, изучающего религию Египта с апологетическими и библейскими целями, здесь представляется масса поучительных сближений – сближение египетского сабеизма с халдейским, библейские свидетельства о древности звездного культа (Иов. XXXI, 26–28) и т. д. Другой курс Масперо имел дело с XXI–XXII династиями. Он восстанавливал списки фиванских первосвященников параллельно с фараонами (это была эпоха необыкновенного усиления государственного значения жрецов). История Египта в эту эпоху

соприкасается с Библией (поход Шешонка–Сусакима Библии 3Цар. XIV, 25 и след. 2 Пар. XII, 2 и след.)

У Масперо, несмотря на бесспорную крупную талантливость этого ученого, немного слушателей; это объясняется специальностью его курса. Но любопытно, что между его слушателями и слушательницами есть такие, которые сами не имеют никакой религии. Один слушатель заявил мне, что он последователь позитивной философии Литрэ, т. е. философии, совсем исключаящей религию из житейского обихода, и, однако, этот слушатель изучает египетские иероглифы, еврейские письмена для того, чтобы ознакомиться с религиозными воззрениями древних. Почему же он нашел важным и нужным это трудное дело изучения религиозного прошлого человечества? Курс финикийской религии Берже посещался гораздо более многочисленной публикой, чем скромная аудитория Масперо. Лекции Берже рассчитаны на популярность. Он неохотно и редко прибегает к семитическим письменам, но за то обильно демонстрирует свою речь рисунками и привлекает к себе новизной излагаемых сведений. Он отсылает своих слушателей или, вернее, слушательниц за приобретением нужных подготовительных сведений о пунах к «Солаambo» Флобера и в своих заключениях он опирался главным образом на раскопки в Карфагене аббата Делатра (раньше давшего такие обстоятельные работы о таблицах Тэль–эль–амарна) он рисовал религиозный синкретизм финикийян, этих космополитов древнего мира. Остроумно восстанавливаемые и истолковываемые факты наводили на глубокие размышления. Получалась двойственная картина – страшная племенная раздробленность древнего человечества и вместе какое–то стремление к религиозному объединению, стремление, удовлетворяемое совершенно невозможным образом через слияние и соединение самых различных божеств.

Должно назвать еще несколько профессоров Коллеж де Франс, которые тогда не читали курсов специально по истории религий, но курсы, которых всегда имеют близкое отношение к этой истории и которые в области этой истории дали капитальные труды. Таковы: Опперт – ассириолог, излагавший принципы ассирийской грамматики и руководственные правила для дешифрирования текстов. Его толкования ассиро–вавилонской мифологии известны каждому занимавшемуся древней историей. Далее должно назвать санскритолога Леви (он читал о новых надписях в Непале и о доктрине «Махаяна», изложенной в «сутрашанкара»), Гастона Буасье (автора исследований о римской религии), Леже – слависта (пишущего в настоящее время в *Revue de*

l'Histoire des Religions о славянской мифологии). К ним нужно присоединить арабистов, арамистов, синологов, кельтистов, филологические изыскания которых по самому существу связаны с религиозными. К этому изучению религии, как исторического факта, в Коллеж де Франс присоединяются курсы, в которых делаются попытки философского истолкования религиозных явлений. Так, Рибо в своих чтениях «о творческом воображении» не раз касался лукрециева *Timor primos fecit deos*, Рибо не говорил: *primos*, но он развивал, что многие боги обязаны своим происхождением существованию рабского чувства страха. Пьер Лафит (парижский первосвященник контовского культа религии человечества), от старости засыпавший на своих лекциях вместе с своими слушателями, тоже пытался проливать свет на религиозную эволюцию. Флах в своих лекциях по этнографии (обычай и учреждения народов океании) касался генезиса некоторых религиозных обычаев. Изуле читал о религиозных движениях в эпоху Жан Жака Руссо. Мабильо дал курс об учении Аристотеля о душе по комментариям александризма и аверроизма – комментариям, имевшим теософический характер.

Рядом с скромным Коллеж де Франс возвышаются величественные здания Новой Сорбонны. Сорбонна имеет за собой многовековую историю. В 1253 г. Роберт Сорбонн капеллан и духовник Людовика IX святого, основал богословский факультет, получивший имя Сорбонны от своего основателя. Этот богословский факультет приобрел громадную славу в средние века. Авторитет и знамя бакалавров и докторов Сорбонны стояли высоко. Ришелье (в 1623 г.) дал Сорбонне помещения достойные ее славы. Но с тех пор эта слава стала меркнуть. Богословие стало оттесняться на задний план. В 1808 г. в Сорбонне был учрежден словесный факультет (*lettres*). Теперь в ней помещаются факультет *lettres et beaux arts* и *sciences* – 1) литературы и изящных искусств и 2) физико-математический. К ним здесь же примыкает факультет права. Но богословию здесь не дано никакого уголка. Только в 1897 г. в новой Сорбонне отведено помещение для секции по наукам религиозным. Вот программа курсов за второй (1898–1899 гг.) год их существования. В значительной мере они представляют собой продолжение чтений первого года, для каждого специального курса отведен один или два недельных часа.

I. *Религии некультурных народов.* Марилье – «Верования относительно переживания души» (один курс) и «обрядовая антропофагия и человеческие жертвоприношения» (другой, продолжение курса, читанного в предыдущий год). II. *Религии крайнего востока и индийской*

Америки. Леон де-Росни – «Доктрина Киенаи, ее противники и защитники. Так называемая религия толтеков» (один курс) и «объяснение религиозной христоматии крайнего востока, практические упражнения в истолковании китайских философских терминов по главным туземным лексиконам» (другой). III. Религии Индии. Фушэ (первый год читал Леви – профессор Коллеж де Франс – о священных городах и пилигримстве в индуизме и легенда о Будде) – «Элементы философии Ниая и Веданта» (один курс) и «объяснение и комментирование законов Ману» (другой). IV. *Религии Египта.* Амелино – «Истолкование текстов выгравированных на гробнице Сети I-го» (продолжение курса предыдущего года) и «Истолкование жизни монаха Моисея абидосского и некоторых других из Верхнего Египта» (другой курс, тоже продолжение). V. *Религии Израиля и западных семитов.* Морис Верн – «Объяснение книги псалмов» (один курс) и «характерные особенности древнееврейской религии (другой). VI. *Талмудическое и раввинское иудейство.* Израиль Леви – «Образование синагогального культа» (1) и «Истолкование работ раввина Натапа» (2, продолжение). VII. Исламизм и религии Аравии. Гартвиг Деренбург – «Объяснение Корана с богословским, историческим и грамматическим комментарием Байдави, по изданию Флейшера (1) и «Объяснение некоторых сабейских и гимиаритских надписей» (2, оба курса представляют собой продолжение чтений предыдущего года). VIII. *Религии Греции и Рима.* Андрэ Бертло – «Греческие культы в Риме». IX. *Христианская литература.* Сабатье – «Хронологическая история первоначальной христианской литературы и история образования Нового Завета» (1) и «Критическое изучение текста и источников Деяний Апостольских» (2, оба курса – продолжение чтений предыдущего года). Евгений Фей – «Христианское учение о нравственности во II-м в. в ее отношениях к греческой философии: «Тертуллиан» (1, продолжение прошлогоднего курса) и «Объяснение избранных текстов, относящихся к истории гонений в первые три века» (2). X. *История Догматов.* Альберт Ревиль – «Церковное учение в начале V-го в. по «Граду Божию» бл. Августина». Пикавэ – „Академики Цицерона и Contra academicos Августина» (1) и «Библиография схоластики. Мистицизм средних веков» (2, оба курса продолжение прошлогодних). XI. *История христианской церкви.* Жан Ревиль – «История образования христианской церкви в Римской империи» (1) и «Критический этюд о подлинности четвертого Евангелия и о преданиях, относящихся к апостолу Иоанну (2). XII. *История канонического права.* Эсмейн – «История и теория права патроната» (1) и «Теория доказательств в каноническом праве по Corpus

juris canonici и его комментаторам» (2). Перечисленные курсы закрытые, на них слушатели должны записываться, они могут участвовать в практических занятиях, в конце подвергаться испытаниям. Но кроме них еще читаются курсы публичные для всех желающих. Таковы: Дерамея – «История древних восточных церквей: первая церковь Иерусалимская», Кентена – «Ассиро–вавилонская религия: монография о богине Истар по надписям, начиная с надписей Ур–Нина и кончая последними надписями Набонида; Рейнода – «Религии древней Мексики: этюд о письменных документах в древней Мексике». С тех пор как я слушал курсы в Париже прошло шестнадцать лет, и многие из ученых читавшие в 1899–1900 гг. уже умерли. Умер Марилье, умер Опперт, умерли оба Ревилы – отец и сын (Альбер и Жан), умер Сабатье. Умерли многие из тех, которые были на парижском конгрессе по истории религий в 1900 г. Германские ученые не принимали в нем участия. Гарнак даже высказал мысль, что историю религий изучать невозможно и что ему довольно дела с христианством. Здесь сказала вся узошь взглядов немецкого рационалиста. Христианство для него в сущности естественное явление. Но если это так, то изучение его возможно лишь при сравнении с другими аналогичными явлениями – другими религиями. Для этого не требуются во всем объеме первоисточники. По первоисточникам для одного лица невозможно изучить и историю христианства. Но немецкий ученый взглянул на дело иначе и явно подчеркнул, что в конгрессах по истории религий он видит лишь легкомысленную французскую затею. Ученые из разных стран мира взглянули на дело иначе. История религий развивается и разрабатывается. В самом Париже уже семью годами позже конгресса в католическом институте была учреждена кафедра по истории религий.

Многие работники по истории религий в начале XX столетия сошли в могилу. Умерли почетные председатели парижского конгресса М. Мюллер и Тиле. Вместо Ревилей в коллеж де Франс историю религий читает бывший аббат Луази. Эта замена, впрочем, мне не особенно нравится. Ревильям я не могу поставить в вину их рационализм, они в нем были воспитаны, но с ренегатством Луази я не умею мириться.

Как трактуют религию лекторы Сорбонской секции изучения религий? Отчасти над ними еще витает тень Ренана, и голос покойного скептика и пантеиста часто слышится в соображениях и рассуждениях Верна. Отчасти здесь царствует рационализм. Отчасти, под давлением всегда в конце концов торжествующей истины, совершаются уступки в пользу положительной религии. Метод изучения пытаются установить строго позитивный. Последнему можно радоваться, ибо позитивный метод

во всяком случае устраняет предвзятые рационалистические гипотезы. Вот, образчики работ воспитанников в первый год существования секции: Маржерон обрабатывал библиографию таоизма, китайской религии, представляющей смесь философии Лаодзи с грубейшими народными верованиями. Тассэ исследовал документы о шинтоизме (традиционной японской религии), находящиеся в английских библиотеках. Пердекэмпер составил анализ философии Лих–тце, Тома занимался изучением религий в Тибете до и во время проникновения туда буддизма.

Кроме секций по наукам о религии в Сорбонне религии служат предметом исследования – правда, косвенно и в незначительной мере – и в факультетском преподавании. На факультете литературы и изящных искусств, понятно, многие исследуемые произведения древних литератур и памятники искусства имеют религиозный характер. Мифология всех народов относится сюда. На факультете права читается мусульманское право. Потребность в этой дисциплине вызвана тем, что французские подданные в Алжире и некоторых других колониях, главным образом, мусульмане. И вот, ради них французским студентам юристам приходится знакомиться с Кораном, так как основания и руководительные начала мусульманского права находятся в этой священной книге. Но это изучение, конечно, имеет уже прикладной характер. Сорбонская секция по наукам о религии не имеет никаких побочных целей, она изучает религию, чтобы узнать ее. Бесспорно, что это изучение в настоящее время не имеет религиозного характера, т.е. не освящено религиозной верой, не проникнуто благоговением к религиозной истине. Но в высшей степени важен сам факт такого изучения. Мы наследовали бесчисленное множество философских учений о религии, ее сущности и происхождении. Многие из них и притом наиболее популярные – в роде Лукрециева и Эвгемерова в новом стиле – кощунственно и легкомысленно решают религиозные вопросы отрицательным образом. Вследствие того, что эти учения просты, понятны и ясны, они популярны, они увлекают многих, и у нас ученики последних классов гимназий и первых курсов университета нередко черпают в них свою мудрость. Учения эти, как и многое другое, вышли с запада. Но теперь они должны исчезнуть на западе, а потом и у нас в России, ибо фактическое и добросовестное изучение религий сделает невозможным существование многих рационалистических гипотез относительно их происхождения. Конечно, одно изучение религий не приведет человека к религиозной истине: знание ассирийской грамматики или египетских иероглифов еще не дает ключей от неба. Иное требуется от человека, чтобы он мог вместить слово

истины – чистое сердце, добрая настроенность, смирение духа. Но, конечно, изучение никакой другой стороны духовной жизни человека не может более обращать его мысль и заботу к чистоте сердечной, как изучение религий. Здесь более, чем где-либо, исследователь постоянно имеет дело с идеалами и идеальными стремлениями человеческой природы. В грезах дикаря о блаженных прериях, где пасутся волшебные олени, где не бывает вьюг и бурь, и человек не знает ни голода, ни неудач, где Великий Дух оберегает счастье своих почитателей, в этих грезах добросовестный исследователь, конечно, никогда, не усмотрит только простое выражение тоски по жареной оленине. Да если бы он и обратился к этой гипотезе, то изучение песней этого дикаря, его обращений к Великому Духу немедленно показало бы невозможность такого предположения. Молитвы к Син, возвания к Ра, чувство греховности и потребность в очищении и оправдании, о которых говорят гимны, сложенные на берегах Ганга и Инда, все это – чем порождено в груди человека? Откуда эти чувства благоговения, священного трепета и собственного самоуничижения? Откуда это недовольство всем земным и тоска по каком-то неведомом может быть несуществующем небесном? Исследователь религий человечества (мы разумеем естественные религии) исследует духовные мучения человечества. Это какие-то тоскливые и мучительные порывы к не постигнутому благу с одной стороны и – с другой – часто ужасные попытки удовлетворения этих порывов в фанатическом культе, в кровавых жертвоприношениях, в самоистязании. Исследователь этих явлений неизбежно приходит к дилемме: или должно заглушить эти порывы или изменить их направление. Заглушить? Было сделано не мало попыток в этом направлении, и в Париже более, чем где-либо, многие пытались забывать о Боге. Чем кончилось это? В Париже тем же, чем ранее кончалось в других местах: на место традиционной религии становились мистицизм и суеверия. В Париже имеются громадные магазины, специально торгующие книгами и манускриптами по Sciences occultes – тайным наукам (магии, чародейству, демонологии, астрологии, алхимии, герметизму, каббале, магнетизму, спиритизму, мистицизму, теософии), имеются специальные издания, каждую неделю выходят новые каталоги. Здесь имеются тайные общества – не политические, политическим обществам здесь нет нужды быть тайными, но общества преследующие какие-то оккультические цели. Чем вызвано существование этих обществ и издание этих книг? Очевидно, той же духовной потребностью или вернее тем же неуменьем удовлетворить эту потребность, которое побуждало современников Апеги в Египте силой

заклинаний подчинять себе небесных богов или славянина позднейшей эпохи бороться с лихорадкой силой магических заклинаний. Заглушить религиозные стремления в человечестве невозможно, как невозможно истолковывать их происхождение из каких-то недоразумений, непонимания, духовной aberrации. Ученые историки религий в Париже, которых никак нельзя заподозрить в стремлении к ретроградству или клерикализму, своими трудами решительно утверждают это, и доселе еще появляющиеся в разных странах попытки объяснить возникновение религии простым способом разрубания узла (человек испугался, удивился и причину своего испуга или удивления назвал богом) встречаются обыкновенно на страницах парижского органа по истории религий *Revue de l' Histoire des Religions* суровое порицание.

Но не одними своими курсами и изданиями по истории религий Париж направляет мысль посетителя этого города к вопросам о религии. Курсы и издания – даже не главное и не первое, что должно направить в Париже туриста на размышление о религии. И курсы, и издания игнорируются и без сомнения всегда будут игнорироваться не только большинством любознательных иностранцев, но и громадным большинством природных жителей Парижа. Другое дело – музеи. Турист идет в них прежде всего, от времени до времени заворачивает в них и коренной житель. И любознательности таких посетителей по вопросу о религиозных представлениях человечества в прошлом и настоящем Париж своими музеями дает очень многое. В Париже есть музей специально христианских древностей с некоторыми остатками римского язычества (музей Клюни), есть этнографический музей (в Трокадеро) с предметами религиозного почитания современных дикарей и доколумбианских индийцев. В Лувре имеются обширный музей египетских древностей, музей древностей азиатских–халдеоассирийских, финикийских, иудейских, азиатско–греческих и в Лувре же имеется громадный музей классических древностей. Наконец, единственно в Париже имеется специальный музей по истории религии – это новый построенный треугольником в ново–греческом стиле музей Гимэ.

Музеи Клюни и Трокадеро дают не много исследователю. Сокровищами Клюни с интересом и пользой должен заняться исследователь христианской археологии. Музей Трокадеро – собрание – не особенно обширное – этнографических материалов. В Трокадеро собраны идолы и предметы священного почитания из Африки, имеется большая галерея мексиканских и перуанских божеств. Но теперь из Америки вообще вывозятся богатые коллекции по религиям ее аборигенов.

Жаль только, что имеется очень мало литературных памятников, которые могли бы послужить руководительным ключом к выяснению религиозных представлений интересного исчезнувшего народа. Религиозная атмосфера, в которой дышало прошлое человечество, охватывает посетителя, когда он вступает в музей древностей Лувра. Здесь собраны религиозные коллекции из тех областей, с которыми у нас связывается представление о первоистории человечества. Предметы, найденные при научных раскопках в 1843–1845 гг. на Тигре и Евфрате – саркофаги, каменные быки с человеческими головами, надписи, вазы, обломки царского дворца из Ниневии, барельефы из дворца Саргона в Хорсабаде, статуи, фигуры евнухов. Как важная новинка, здесь красуется стела Гаммураби. Много здесь финикийских древностей. Есть зала сидонского царя Эшмуназара, здесь помещается его громадный саркофаг. Много иных саркофагов, ливийских и пунических надписей. Главную драгоценность иудейской залы представляет памятник Меша, моавитского царя, боровшегося с Иорамом и Иосафатом (4Цар. III), он был воздвигнут более, чем за 8 ½ столетий до Р. Хр. Но главное – музей египетских древностей. Он состоит из большого числа больших зал на двух этажах. Многие пытаются установить, что обильный египетский пантеон не вытеснил совершенно у египтян представления о едином верховном Боге. Этот единый верховный Бог по представлению египтян, «есть единое бытие действительно сущее». «Он дал бытие всем существам и низшим богам», «он все произвел и сам не произведен», «он рождается сам собой». Богатые коллекции музея дают возможность составить полное представление о ходе египетской культуры. Несомненно, что цивилизация Египта стояла высоко еще задолго до дней Авраама. В зале гражданских древностей есть статуя писца (в сидящем положении) из времен V-ой династии. Замечательное выполнение говорит о высокой культуре. В похоронной зале можно подробно изучить учение египтян о жизни и смерти. Мумии, различные тексты книги мертвых, более или менее полный экземпляр которой всегда клали с умершим, священные предметы, клавшиеся с умершим («погребальные скарабеи»), суд Озириса, подробное изображение суда над умершим сорока двух судей. К похоронной зале примыкает зала религиозных памятников. В ней выделяется статуя Горуса, с головой ястреба совершающего возлияние (перед Озирисом?). Коллекции богов составлены здесь отчасти по географическому принципу: вместе сгруппированы божества Фиваиды, вместе божества Мемфиса. Как ни велик египетский пантеон, но, однако, почти все его боги имеются в музее в различных экземплярах часто от различных эпох или из различных мест, так что можно проследить

вариации в представлении божества. Имеются здесь божества – Аммон, его супруга и мать Мот, их сын Хун (у египтян боги обыкновенно образуют триады), Нум, Сати и Ануке, затем их слияние – Аммон–Нум, Изиды–Сати; Фта (в виде Бога с прекрасным лицом и в карикатурном виде эмбриона), Секхет и Нофра–Тум или Имготеп; Озирис, Изиды и Горус; Ра с Тум, Гатор, Нут (не достаёт в луврских коллекциях Бога Себа – супруга Нут), Сет, Анубис, четыре гения похорон, Тот, Бес. Далее, следуют атрибуты богов, коллекции амулетов. Имеется в музее зала сфинксов и есть специальная зала аписов. Аписы [Апис = вторая (земная) жизнь П(Ф)та] почитавшиеся при жизни, благоговейно погребались по смерти. Воздвигались памятники, на которых увековечивалось печальное событие смерти земного воплощения Фта. Согласно египетскому учению о загробной жизни всякий умерший N соединяется и становится одно с Озирисом, становится Озирисом N. Тому же самому подвергались и аписы. После смерти Апис становится Озирис–Апис (Osar–Nari) отсюда в сокращении явился Сарапис или Серапис – новое божественное существо, новый предмет для благоговейного почитания египтян. И его мы находим в Лувре.

Египет пережил много фаз в своем развитии: древнее, среднее и новое царство, затем Египет эллинизированный и наконец Египет христианизированный. В течении тысячелетий в долине Нила менялись расы, культуры, язык, искусство, верования. Богатые и постоянно умножающиеся и умножающиеся коллекции Лувра представляют много данных для того, чтобы проследить религиозные судьбы этого народа, благочестие которого отмечалось еще древними. В последнее время относительно подробностей и значения египетской религии возникли гипотезы, с которыми не может согласиться христианский исследователь. В взаимоотношениях различных египетских богов хотят видеть борьбу семитических и туземных элементов населения. В Тифоне или Сете хотят видеть какого–то древнего семитического бога (еврейское имя Сиф; см. по еврейск. Биб. Втор. XXXII, 17; Пс. CVI, 37), почитатели которого столкнулись с почитателями абидосского Озириса. Указаний на этого Сета или Сифа ищут в Библии. Точно также возникновение и развитие иконопочитания пытаются связывать с позднейшими египетскими куклами. Все это неправда, и мы думаем, что нагляднейшие опровержения подобного рода гипотез могут быть доставлены лучше всего через тщательное изучение религиозных памятников Египта, поучительное собрание которых представляет Лувр.

Музей Гимэ первоначально основан был Эмилем Гимэ в Лионе. Это

было в 1879 г. когда Гимэ возвратился из ученой экспедиции на крайний восток, куда он был командирован министром общественного обучения для изучения религий тамошних народов. Гимэ предполагал в Лионе при музее устроить школу восточных языков и вместе с этим связать изучение религий. Дело это, видно, не встретило успеха. Тогда он стал хлопотать о переводе музея в Париж и в 1888 г. музей был переведен сюда и приобщен к числу национальных учреждений. Он получил имя своего основателя, и его цель была определена так: Музей должен содействовать распространению знаний о восточных цивилизациях и облегчать дело изучения их в религиозном, историческом и артистическом отношении посредством священных изображений и книг, предметов культа и произведений искусства, образующих его коллекции; но история религий – первоначальная цель его основания – остается его главной задачей. «Музей религий, так говорят о нем его устроители, прежде всего должен быть коллекцией идей, мы стремились по возможности везде представить их методически тщательную классификацию, наглядное демонстрирование. Представляя каждый народ обособлено, мы классифицировали его религии в хронологической последовательности их появления и подразделяя различные религиозные секты и школы с точностью, которую только допускали наши познания. В каждом из таких подразделений мы группировали различные представления одного и того же божества так, чтобы можно было видеть т изменения, которые время или прогресс идей производили в его характеристических чертах, в его форме, положении, атрибутах, или в его мифологическом значении. Каждый раз, когда только это было возможно, мы ставили в наши витрины образы замечательнейшие по своей редкости, древности, художественному совершенству или по качеству материала».

Намеченные задачи наиболее широко учредители могли осуществить по отношению к браманизму и буддизму. Первоначальный корень этих религий – ведизм, натуралистическая религия древних жителей Индостана арийского происхождения (боги: Агни, Сома, Варуна, Индра, Адити, Притиви, Диас, Митра, Савитар, Суриа, Рудра, Ваиу и др.). Из ведизма (4 священные книги вед: Риг–, Яджур–, Сама – и Атарва –веды) вышел браманизм в собственном смысле, в котором образ Браммы (собственно бога молитвы) оттеснил далеко на задний план всех прочих богов. Ни от ведизма, ни от браманизма в его древнейшей форме не сохранилось никаких религиозных памятников. Но из браманизма вышли секты: джаинизма (учение первоначально почти тождественное с буддийским, теперь джаинизм распадается на многие секты), буддизма (множество сект

и типов) и индуизма или видоизмененного браманизма, в котором к Бrame присоединился Вишну и Сива (образовалась троица – тримурти) и сообразно с тем, что одни стали почитать наиболее Вишну, а другие Сиву, явились секты вишнуитов и сиваитов. Эти религии имеют за собой долгую и широкую историю, и посетитель музея Гимэ имеет возможность наглядно проследить их судьбы в различных странах и веках.

В нижнем этаже музея находятся современные памятники по этим религиям из Сиам и Камбоджи (4 залы). Здесь множество статуй будд (есть даже отпечаток ноги Будды), масса статуй божеств браманистических, обращает на себя внимание громадная статуя Гари–Гара (соединение Вишну и Сивы в одном теле), есть здесь барельеф из храма Ангхор–Вата (браманистического), представляющий адские мучения грешников, имеется модель аннамитского храма. В первой зале на первом этаже, прежде всего, помещаются божества ведические (т.е. не от ведического периода, а такие браманистические божества, которые почитались уже и в ведический период). Есть здесь колесница Индры (бога войны), Индра едущий на слоне, Агни (бог огня) с двумя головами и четырьмя руками на колеснице, Сома – бог луны (первоначально опьяняющий, священный напиток), Ушас (богиня зари), Суриа – бог солнца и мн. др. Любопытны группы, изображающие на молитве брамина и браминку. Дело в том, что брамин может приносить жертвы и совершать священнодействия только при участии своей жены. Если у него умирает жена, и он становится вдов, его священнодействия становятся бессильными. Если мы примем во внимание, что молитвы браминов были заклинаниями, которые всецело подчиняли их власти богов управляющих миром, и что, следовательно, согласно с уставом произнесенная молитва могла произвести все, то у нас получится, что в распоряжении браминок находится счастье всего существующего, и что, следовательно, ответственность за все зло, существующее в мире, лежит на легкомыслии прекрасной половины браминской касты. В витринах, посвященных Вишну и Лакми (его супруга) обращают на себя внимание аватара (воплощение) Вишну. Христианскому богослову по случайным обстоятельствам приходится оказывать преувеличенное внимание воплощению Вишну в Кришну. Досужие люди, ученость которых, кажется, ушла не далеко, пустили в обращение гипотезу, что учение о воплощении Христа есть переделка легенды о воплощении Кришны. Рассмотрение и исследование дела, конечно, показывают, что здесь нет никакого сходства по содержанию и родства по происхождению, да страдает и хронология, ибо легенды о Кришне развились позднее первых

веков христианства. Религию Сивы и его сакти (супруг) не связывают, как религию Вишну или буддизм, с христианством. Но группы Сивы–Парвати, Дурги (богини войны, разрушительницы) замечательны в психологически–религиозном и в художественном отношении. В витринах, посвященных Сиве находятся статуи Тримурти–Брама, Вишну и Сива, соединенные в одно тело с тремя головами, многочисленные статуэтки Ганесы (человеческое тело, голова слона), бога мудрости, покровителя наук и литературы, сына Сивы и Парвати. С Тримурти в свое время гоже приходилось считаться христианским богословам, но теперь уже не говорят об историческом родстве индийской и христианской троицы. За статуями богов следуют в музее предметы культа, они собраны в большом количестве и часто дают возможность ясно представить себе картину браманистического богослужения. После браманизма музей знакомит нас с джаинизмом и буддизмом. Опять–таки коллекции располагаются отчасти и в хронологическом и географическом порядке (есть специальные коллекции с Явы). Особая зала отведена тибетскому буддизму – ламаизму. Ламаизм по–видимому обязан своим происхождением школе Махаяна, он отличается от буддийских сект тем, что в него вошло наибольшее количество народных суеверий, и что в нем широко развита иерархия. Его за его далай–ламу называют папистическим буддизмом. Богов и святых здесь множество. Ламаизм хорошо изучен и в России. Изучение парижских коллекций делает для нас вероятным допущение, что на ритуале ламаизма сказалось христианское – вернее всего, католическое влияние.

К тибетскому буддизму примыкает буддизм китайский. Музей и представляет нам коллекции того и другого буддизма в связи, давая возможность выяснить и их родство по происхождению и их особенности. Кроме буддийской Китай имеет еще две религии: таоизм и конфуцианскую. Таоизм представляет собой странную амальгаму грубейших фетишизма и демонолатрии с довольно возвышенными метафизическими спекуляциями Лаоцзи (VI до Р. Х.). Лаоцзи был отшельником, и легенда рассказывает, что, когда он достиг очень преклонного возраста, перед дверью его пещеры однажды предстал бык, своим видом как бы приглашая его на прогулку. Едва Лаоцзи сел на животное, оно понеслось к востоку, и с тех пор мудреца не видали более. Музей владеет бронзовой статуей напоминающей об этом событии. Таоизм признает звездные божества, божества счастья, божества, покровительствующие письму, науке и ученым, признает разных духов, земные божества, почитает предков. Обильные коллекции по таоизму

меня лично приводили к установлению некоторого сближения между этой современной демонологией или этим пандемонизмом крайнего востока и демонологией до-христианской и до-эллинизированной Италии и там, и здесь обилие и множество гениев, духов, покровителей отдельных сфер бытия и особых профессий, и там и здесь наконец почитание теней усопших. Конфуцианство по существу есть практическая мораль, скорее делающая уступки религиозным верованиям, чем поддерживающая их, поэтому, понятно, религиозных коллекций по конфуцианству много быть не может. Китай соприкасается с севера с Сибирью, с юга с Индо-Китаем. К залам, отведенным для Китая, примыкает галерея, посвященная Камбодже, Бирмании, Аннам, Тонкину (сравнительно незначительные коллекции из этих стран помещаются внизу) и Сибири. Здесь опять-таки царствует буддизм и кроме того сибирское шаманство.

В Японии – имеются две религии: шинто и буддизм. Шинто – религия национальная, японцы связывают ее происхождение с своим собственным, шинто не допускает идолов, хотя и признает богов (бог-творец – Аменомина-Канузиноками, владыка центра неба), но шинто имеет храмы, часовни и культ (родственный с культом таоизма); предметы этого культа имеет музей. Буддизм Японии, как и Китая, сектантский. Насчитывают много буддийских сект в Японии (по характеру это вообще буддизм северный с сильно развитой обрядовой стороной). Музей дает возможность подробно ознакомиться с ними. Кроме того, в музее есть статуи и предметы, представляющие собой, так сказать, иллюстрацию к японским легендам. Такова, напр. статуя, изображающая старого дьявола, которого бедность заставила сделаться буддийским монахом.

На втором этаже находятся коллекции по египетской религии. Они немногочисленны, но они имеют вот какой интерес: они вводят нас в область позднейшего синкретизма, представляют нам египетскую религию в эпоху римского владычества. Амон здесь слился с Юпитером и стал Юпитер-Амоном, Изида соединилась в одно лицо с Деметрой. Даже такие боги Египта, которые уже сами по себе представляли сложную комбинацию, являются здесь в соединении еще более сложном с пантеоном Рима. Мы находим здесь Юпитера-Сераписа. Вообще здесь выражена александрийская эпоха.

Я конечно, не мог в коротком изложении дать ясное представление о богатствах музея. Кроме перечисленных, в музее есть еще небольшая (обособленно стоящая) зала специально посвященная парсизму – теперешней религии Зороастра. Здесь есть модель башни молчания, в которой парсы кладут трупы своих единоверцев, чтобы их тела пожрали

коршуны (землю – по их представлению – нельзя осквернять погребением в ней трупа). В музее кроме религиозных предметов имеются еще рисунки и картины – иллюстрации и комментарии к коллекциям. При музее имеется библиотека, множество манускриптов – китайских и японских, и всякий, желающий заниматься, встречает здесь любезный прием. При музее имеется зала для рефератов, они обыкновенно читаются по воскресеньям (летом их не бывает), не всегда они посвящены истории религий (так, мне пришлось однажды быть на реферате об охоте у японцев по японским рисункам и документам), но они посвящены ей преимущественно. Музей имеет свои издания. Одно из его важных дел – перевод на французский язык священных книг востока.

Так, человек, как существо религиозное, является предметом глубокого внимания и широкого изучения в Париже. Недаром один из французских антропологов существенное отличие человека от животных положил в религиозности первого. Религиозность! Не будучи сами религиозными, французы задумываются над религиозностью, размышляют и читают о ней (по богатству своих библиотек Париж может быть сравниваем только с Лондоном).

В Брюсселе возникло общество ученых принявших девиз *nulla unquam inter fidem et rationem vera de sensio esse potest*, но в составе этого общества самыми выдающимися членами были парижские и вообще французские ученые. Я не знаю, был ли членом общества Пастер, который во всяком случае по своим убеждениям был верующим (католиком). Членом общества был Гермит – один из самых выдающихся математиков XIX столетия, он открыл трансцендентность, чем подсказал и решение вопроса о квадратуре круга, он решил уравнение 5-ой степени в эллиптических интегралах. Членами общества были Корню – физик, Лаппаран – геолог, Фабр – энтомолог. В Париже издается журнал *Apologetique* – к сожалению, без нужды и без пользы для себя иногда резко отзывающийся о православии. В Париже издается теперь апологетический словарь *d'Ales'a* – ценное и полезное издание. Так в Париже рядом с безрелигиозным изучением религий стоит довольно солидно поставленная защита религии. В последнее время Париж в лице математика Пуанкаре и философов Бутру и Бергсона дал мыслителей, у которых многое может взять защитник религии.

С другой стороны, и Бельгия дает работников для парижских изданий о религии. Укажу на египтолога Капара.

И Бельгия, и Франция делают много для исследования религиозных проблем. Но у нас и в наших духовных школах почитаются немцы. Многие

откровенно признают, что они горячие поклонники немецкой богословской науки. Я никогда не разделял этого поклонения; думаю, что оно основывается на недоразумении и что настоящее положение вещей представляется наиболее удобным для выяснения этого недоразумения.

Если Богословие есть наука, оно предполагает собой знание, для своего развития оно требует творчества, у православного и католика это творчество регулируется верой, у протестанта на место веры стоит фантазия. Для меня возможность многих предположений относительно Библии устранена, для протестанта возможно всякое предположение. Раз он не умеет согласить двух мест в Священном Писании, он говорит, что они противоречат одно другому, написаны разными авторами, имевшими противоположные взгляды на вещи. Протестантская наука дарит миру множество богословских гипотез. Эти гипотезы ослепляют взоры многих, и мы слышим постоянные речи о плодотворности и продуктивности немецкой науки и о том, что наши православные работы – хлам, отзвук алхимии и мифологии. Но я думаю, если бы мы поехали по Конго и стали слушать дикарей объясняющих, отчего на луне тени, мы познакомились бы со множеством поэтических гипотез, а если мы обратимся к астрономам, от всех мы получим одно и то же объяснение факта. Но мы не будем завидовать продуктивности дикарей Конго. Так о книге Бытия неверующие предложили сотни гипотез, и ничего не дали эти гипотезы, а верующие с того времени, как была написана книга, и до настоящих дней говорят в сущности одно и то же. Вера стесняет свободу предположений, но и знание, и факты стесняют эту свободу, только невежество открывает безграничный простор для гипотез, и когда дается множество гипотез по одному и тому же вопросу, это есть ясный признак того, что для решения вопроса не имеется достаточно научного материала.

Но мы слишком переоценили бы фантазию немцев, если бы представили дело так, что гипотезы по вопросам религии в своей основе созданы ими. И этого нет. Немцы славятся своей библейской критикой. Они разложили Священное Писание, предложили для библейских книг новых авторов и новые хронологические даты. Но не им принадлежит инициатива этого дела. Француз Аструк обратил внимание на то, что в одних отделах Библии Бог называется исключительно Элогим, в других – Иегова. Отсюда – гипотеза об авторах элогисте и иеговисте; отсюда – разложение Библии. Для вариаций этого разложения, талантов не требуется, и, пожалуй, даже, чем их меньше, тем лучше. Так из теории Аструка вышла теория Вельгаузена. В своем последовательном развитии эта теория должна прийти к отрицанию существования Иисуса

Назаретского, постепенно к этому и приходят. Есть, ведь, начало служащее уздой и для немецкой фантазии. Это – научный дух эпохи, боящийся сверхъестественного. Идеальный человек Иисус, изображенный в Евангелии, немыслим; значит, его я не было. Но по-видимому остается возможность предположить, что был исторический Иисус, идеализированный его последователями и получивший от них ореол чудотворца и даже Бога. Нет; если допустить даже только это, то и тогда получится, что ветхозаветные чаяния и пророчества о мессии оправдались на Иисусе. Получится что-то провиденциальное и сверхъестественное. Этого не может быть; следовательно, этого не было.

Протестантизм, при своем возникновении, был религиозным, но не научным. Потом он стал научным, но без религиозным. Он неуклонно шел к атеизму. И он в сущности пришел к нему. Но пока находится на стадии худшей, чем атеизм – на стадии лицемерия. Вы входите в протестантскую церковь и Вам там читают о бессеменном зачатии Христа, о Его воскресении; вы входите в университетскую аудиторию и порой те же самые пасторы, которых вы слышали в церкви, в роли профессоров сообщат вам, что не было ни бессеменного зачатия, ни воскресения Христа.

Но не думайте, что эти бес религиозные учителя религии оказали на самом деле много услуг науке о религии. Нет. Без сомнения, развитие этой науки обусловлено изучением существовавших и существующих религиозных форм. Важно было узнать китайскую религию. Иезуит Майрит де Малла перевел китайские летописи на французский язык. С религией древних персов нас познакомил впервые француз Анкетиль дю Перрон, переведший авесту на французский язык. Англичанин Кольбрук открыл нам тайны санскрита и вед. Француз Шампольон дал европейцам египетскую грамматику и тем открыл доступ к изучению египетских богов. Где же здесь немцы?

Правда, немец Гротефенд много послужил делу чтения клинообразных письмен, но и памятники семитической письменности были находимы и дешифрованы главным образом англичанами и французами. Знаменитая халдейская запись о потопе – английское открытие; памятник Мети, царя моавитского, найден французами и помещается в иудейском кабинете Лувра. Статуя с кодексом Гаммураби также найдена французской экспедицией и также помещается в Лувре.

Голландцы во главе с Тиле послужили много истории религий. Но конечно, нельзя вычеркивать и немцев из числа работников, служивших науке о религии. Настоящая статья и не имеет в виду доказывать, что немцы – ничто, но имеет своей задачей обратить внимание на бельгийцев

и французов, как на народности, давшие капитальные работы и о религиозных фактах, и об основаниях для веры в религиозные истины.

В речи о Париже пришлось говорить главным образом о безрелигиозном изучении религии. Но верующий человек не может смущаться тем, что неверующий изучает веру. Пусть его изучает! Чем внимательнее и добросовестнее он будет изучать факты веры, тем менее он будет склонен истолковывать их легкомысленными гипотезами, доселе циркулирующими в кругу людей, имеющих слабость считать себя образованными *timor primos fecit deos*, жрецы выдумали религию, рубль создал религию (экономический материализм). Эти гипотезы придется отбросить. Придется также отбросить априорную теорию эволюции религий, как несогласующуюся с фактами. Априорные схемы, в которые пытались укладывать религиозные факты с легкой руки разных неверующих ученых, можно с уверенностью сказать, теперь не подходят к фактам. Отсюда, конечно, еще далеко до того, чтобы ученые обратились к Библии, как руководственному началу для понимания религиозных явлений. Но отсюда следует важный вывод, что понимание, основанное на Библии во всяком случае имеет более прав на существование, чем понимание, противоречащее фактам.

В речи о Брюсселе мы говорили исключительно о деле защиты религиозных истин – об апологетике. Существует мнение, что апологетики не должно быть, что истинность христианства должна выявляться как-то сама собой. Это похоже на то, как если бы кто сказал, что истинность пифагоровой теоремы должна выявляться сама собой и что не должно представлять ее доказательства. Мнение о ненужности апологетики не имеет под собою логической почвы, но оно имеет за собою психологию. Конечно, всякая теория, всякое мирозерцание предполагает собой основания, которые можно систематизировать и предлагать другим. Но против христианской апологетики идут, потому что идут против христианства. Защитников христианства хотят представить нечистоплотными адвокатами, защищающими заведомо неправо дело. Пусть смотрят и так. Не будем смущаться этим. Но все-таки пусть выслушают защиту. В ветхом завете закон не судил человека, «если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает» (Ин. 7, 51). Этого правила должно держаться и теперь, и всегда. Могут не принимать принципов брюссельских ученых, но не могут их осуждать, не зная их.

Примечания

¹ - La societe scientifiques de Bruxelles p. 346. Rev. d. Ouest. scientif. T. 1
Все следующие цитаты также относятся к Revue. Во избежание бесполезных повторений мы будем опускать заглавие журнала, а ставить только заглавие статей и указания тома (а когда нужно страниц). Каждый том включает в себе две книжки.

² - Statuts. T. 1.

³ - Parasitisme et transformisme. T. 10.

⁴ - Le darvinisme, ce qu'il a de vrai et de faux dans cette theorie. T. 2.

⁵ - La paleontologie et le darvinisme. T. 1

⁶ - P. 353. T. 12.

⁷ - Carbonielle, L'infini dans l'espace et dans le temps. T. 3.

⁸ - Jean d'Estienne. Comment s'est forme l'Univers. TT. 1 et 2.

⁹ - См. напр. La chronologie des temps primitifs. T. 20.

¹⁰ - Щепкииа–Куперник – песня брюссельских кружевниц.

Содержание

С. С. Глаголев Брюссель и Париж для науки о религии	1
профессор Сергей Сергеевич Глаголев	
Примечания	42